

Сколько стоит корона

Екатерина Коновалова

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-31

ББК 84(4Рос=Рус)6-44

К64

Коновалова, Е.

К64 Сколько стоит корона / Е. Балашова. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 392 с.

ISBN 978-5-517-06834-7

В средневековом мире меча и магии процветание и спокойствие великого королевства находятся в руках прекрасного, благородного короля Эйриха и его младшего брата — уродливого, опасного милорда Дойла.

Дойл привык быть тенью за спиной брата, отводить предназначенные ему удары, карать врагов и пытаться предателей. Но перед магией даже Дойл бессилен. А ведь именно ему придется раскрыть заговор колдунов и, возможно, заплатить за благополучие короны своим счастьем.

BIC FA

BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-06834-7

© Екатерина Коновалова, текст, 2021

© Елена Ужегова, обложка, 2021

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

*«...Я, сделанный небрежно, кое-как
И в мир живых отправленный до срока
Таким уродливым, таким увечным,
Что лают псы, когда я прохожу, —
Чем я займусь в столь сладостное время,
На что досуг свой мирный буду тратить?
Стоять на солнце, любоваться тенью,
Да о своём уродстве рассуждать?»
У. Шекспир. «Ричард III». пер. Мих. Донского*

Пролог

От боя барабанов закладывало уши, от блеска начищенных доспехов в лучах утреннего солнца болели глаза, на центральной улице Шеана яблоку негде было упасть: весь город собрался, чтобы приветствовать вернувшегося с победой в двухлетней войне великолепно-го короля Эйриха Первого.

Восседая во главе своих рыцарей на роскошном белом жеребце, в золочёных доспехах, он сиял улыбкой и, как позднее говорили очевидцы, легко мог затмить солнце. Позади него несли развевающиеся штандарты Стении, а дальше — связанные и порванные — штандарты врага.

— Эй-рих! Эй-рих, — скандировали сотни глоток, и он поднимал руку в приветственном жесте. Он имел все права на триумф. Сегодня по-настоящему окончилась изматывающая тяжёлая война.

Возле замка Шеан, главной королевской резиденции, процессия остановилась, и Эйрих, не дожидаясь, пока ему придержат стремя, лёгким движением гибкого юноши соскочил на землю, вызвав в толпе ещё одну волну восторженных воплей. Люди любили своего короля. Король был

смел. Король был ловок. Король был красив. Король был благороден. Король победил.

Собравшиеся старались не упустить ни одного его жеста, ни одного поворота головы, и смотрели на него во все глаза.

На человека, который спешился вторым, старался не смотреть никто.

В отличие от короля, второму рыцарю потребовалась помощь паж, чтобы слезть с седла. Встав на землю, он как будто неловко качнулся и согнул спину в странной кривой пародии на полупоклон, но не разогнулся, а остался стоять так, ожидая, пока король первым направится под своды старого шеанского замка, а потом ломаной походкой, припадая на одну ногу и не разгибая спины, заковылял следом, и только когда он вошёл в замок, прочие рыцари и командиры начали спешиваться.

Хромой и кособокий рыцарь был братом короля.

— Проклятье, — сказал он, следуя за королём в покои возле тронного зала, где можно было отдохнуть перед церемонией приветствия двора. — От запаха роз меня тянет блевать.

Эйрих снял шлем, положил его на небольшой, почти игрушечный резной столик и махнул рукой, веля слугам снять с него доспехи. И только после этого, разместившись на деревянном троне с бархатными подушками, ответил:

— Хочешь сказать, что тухлятина, кровь и болотная вода пахнут лучше?

— В сотни раз, — серьёзно ответил его брат и тоже показал слугам, чтобы те помогли ему раздеться.

Когда с него сняли шлем и доспехи, стало видно, что спина его сильно искривлена. Левое плечо было существенно больше правого и тянуло к земле. В противовес этому правая нога была на три или четыре пальца длиннее левой, из-за чего его походка и была неровной.

— Ты привыкнешь, — сказал король, когда брат сел недалеко от него на табурет и ещё сильнее согнул спину. Тогда когда слуги покинули комнату, тот хмыкнул:

— Привыкну, как же, — хмыкнул тот. — Слушай, Эйрих, если ты меня хоть немного любишь... Отпусти отсюда. Пошли хоть на север, в гарнизон. За горами всегда неспокойно. Я буду рад.

Эйрих устало потёр глаза и сказал:

— Торден, ты ведь знаешь, что дело не только в моей любви к тебе.

— Ты — вернувшийся с победой король, народ носит тебя на руках, эти лордики готовы землю, по которой ты ходишь, целовать, — принц Торден, милорд Дойл, хлопнул себя по колену, — от меня тебе не будет никакого прока. Только вред. Подожди, сейчас они радуются, а завтра снова начнут свою мышиную возню.

— Я знаю, — произнёс король. — Только ты думаешь не о той возне, о которой нужно. Да, будут опять доносы на тебя, будет клевета. Но не только это. За время моего отсутствия они расслабились, расхрабрились. Я боюсь... — он осёкся и осторожно оглянулся, впрочем, не увидев никого и ничего, — заговоров. Они отвыкли подчиняться. Торден, будь это возможно, я отпустил бы тебя на все четыре стороны. Но ты мне нужен здесь. Я... — он выдохнул, — я не справлюсь с этим один.

Дойл поднял на брата глаза, и стало заметно, что в качестве небольшого извинения за уродливую фигуру природа одарила его приятными, хотя и резковатыми чертами лица.

— Что я могу? — спросил он. — Я воин, командир, если хочешь, а не придворный.

— Ты мне предан. Это ценнее всего.

Дойл махнул рукой и отвернулся: он мало надеялся на успех своей просьбы.

Глава 1

Пять лет спустя

Девушка была прелестна, как, — нет, он никогда бы не опустил до пошлого сравнения с лепестком розы, — как только может быть прелестна юная аристократка лет шестнадцати, с белоснежной кожей, боящейся даже холодного солнечного луча, с припухлыми розовыми губами, чуть приоткрытыми от волнения и оттого манящими, с широко распахнутыми глазами, в которых блестели не пролитые ещё слезинки. Её нежное личико обрамляли густые, заплетённые в тяжёлые косы чёрные волосы, едва прикрытые мягким капюшоном накидки из дорогого зяанского льна. Затаив дыхание, девушка не отрываясь смотрела на то, как в десятке локтей внизу от неё двое мужчин пытались лишить друг друга жизни. Маленькие, затянутые в кружево пальчики мяли белый платок.

— Она очаровательна, — не то себе, не то окружающим сказал милорд Ойстер, шумно сглотнув. Сидящие рядом с ним лорды понимающе переглянулись: не оценить это сокровище было невозможно.

— Подыскиваете жену или любовницу? — негромко спросил милорд Дойл. Ойстер моментально побледнел и заискивающе улыбнулся:

— Что вы, милорд! Просто эстетствую.

Дойл скривился и снова перевёл взгляд на девушку. Пожалуй, она всё-таки была достойна сравнения с цветком, только не с розой, а с лилией: такая свежая, юная, распахнувшая миру свои лепестки, она увянет, едва твёрдая рука сорвет её. Умирая, она ещё будет дарить убийце свою красоту и нежный аромат, но вскоре поблёкнет, завянет и будет выброшена.

Дойл втянул носом воздух и отвернулся. Кто-то сорвёт нежный цветок, но не он сам. Конечно, пойдя на поводу у желания, он мог бы её получить, насладиться ею, как до-

рогим вином, а после забыть. Но в этот раз он не станет этого делать.

По трибунам прокатился испуганный вскрик: с глухим лязгающим звуком один из рыцарей пронзил второго, раздался хриплый кашель, и проигравший рухнул, заливая песок тёмной кровью. Победитель вскинул вверх руку с зажатым в ней мечом, и вслед за вздохом скорби раздались радостные восклицания. О мёртвом уже забыли — теперь воздавали почести живому.

«Вот так и я, — лениво, почти сонно подумал Дойл, лишь по привычке и из упрямства держа голову прямо и игнорируя тупую боль в спине и левом плече, — встречал приветствия, пока был нужен, а теперь забыт».

Он еле заметно улыбнулся: конечно, в этой мысли было много от ребяческой рисовки. Он не был забыт, отнюдь. Всюду перед ним гнули спину, с его приближением везде стихали разговоры, его взгляд карал и миловал. Пожалуй, даже венчай его чело корона, он и тогда встречал бы повсюду меньше уважения, или, скорее, подобострастной покорности, чем сейчас. Но заискивание придворных перед властным вельможей ничего не стоило в сравнении с любовью солдат к своему командиру. Да, пожалуй, этого Дойлу не хватало.

Снова затрубили горны, король поднялся со своего места и велел победителю приблизиться. Дойл отвернулся, сделав вид, что его ничуть не трогает всеобщий восторг, который вызывал потный рыцарь, с трудом стащивший с головы шлем. Эйрих запретил брату участвовать в турнирах категорически, но иногда Дойл жалел о том, что согласился на запрет.

Когда восторги улеглись, а почести были возданы, король направился обратно в замок: на сегодня состязания закончились, можно было покинуть трибуны, укрыться от неожиданно жаркого для конца лета солнца и от людских глаз. Придворные милорды расступились, позволяя Дойлу подойти к венценосному брату.

— Великолепный турнир, как вы считаете, милорд Дойл? — с улыбкой спросил король.

— Они сделали пару сносных выпадов, но бедный Грейм скончался скорее от скуки, нежели от искусного удара Талбота, — ответил Дойл.

Король улыбнулся, а следовавшая за ним свита захихикала.

— Вы остры на язык, брат, как и всегда. Впрочем, за это мы вас и любим.

— Весьма благодарен за вашу оценку, мой король. Возможно, мне стоит обзавестись шутовским нарядом, раз мои остроты так вам угодны? — Дойл недовольно поджал губы, хотя и не чувствовал себя обиженным на самом деле.

Король вздохнул и возвёл глаза к небу, после чего мягко заметил:

— Вы обидчивы, как древние боги. Не таите на меня зла за неудачный намёк.

— В моём сердце не может зародиться обиды на Ваше Величество. Моё сердце принадлежит вам, — Дойл обозначил поклон, преодолевая всё возрастающую боль в спине.

— Мы знаем, брат, — Эйрих улыбнулся одними губами, глаза же выражали тревогу. Он чуть приподнял бровь, явно желая узнать, всё ли в порядке. Дойл качнул головой, показывая, что рад был бы удалиться. Эйрих понял его и объявил: — Ступайте же, отдохните от дел.

Несмотря на требования этикета, Дойл не стал кланяться снова и неспешно зашагал по широкому коридору старого замка. Каждый шаг его отдавался гулким эхом. Никто из придворных не рискнул составить ему компанию или проводить его: приближённые короля знали, что, когда милорд Дойл не в настроении, не стоит попадаться ему на пути, иначе можно лишиться не только титула, но и головы.

В своих покоях Дойл первым делом сбросил проклятый колет, словно нарочно сшитый так, чтобы причинять ему как можно больше мучений, отстегнул меч и наконец

вздохнул, падая на широкую пышную постель. Было бы здорово ещё снять сапоги, но Дойл не готов был сейчас этого делать.

Мать-природа и Всевышний, создавая двух братьев — королевских отпрысков, — пошутили изрядно. Старшему достались стать, красота и удивительно мягкий нрав, более подходящий легендарным рыцарям, нежели живым людям. Младший же получил уродство, несоразмерной длины ноги, горб, сводивший левую руку вечной судорогой, а к ним — подозрительность, злой, ядовитый язык и утрюмость.

Завидовал ли Дойл брату? Ему было пять, когда он впервые задался этим вопросом и понял, что да, завидует отчаянно, до глухих рыданий в подушку, до тупой боли под рёбрами, до красной пелены в глазах. Он тогда пообещал себе, что отберёт у Эйриха корону во что бы то ни стало и эта корона станет маленькой компенсацией за несправедливость мира. Но всё осталось в прошлом.

Эйрих был прекрасным королём, народ благословлял его и готов был целовать землю, которой коснулась ступня монарха. А Дойл охранял королевский покой — и знал, что так будет всегда.

Пока шла война, Дойл чувствовал себя живым как никогда. Каждый миг его жизни был ценен и важен. Он с одинаковой ловкостью шёл в атаку, удерживая повод коня увечной рукой и разя врагов здоровой, и под покровом ночи отсыпал золото предателям из вражеской армии, покупая победу жёлтой, а не алой кровью.

В мирное же время ему словно не было места. Разряженные в пух и прах лорды из королевской свиты сторонились хромого сторбленного принца, боясь одинаково и его гнева, и его благоволения. Их дочери готовы были упасть в обморок от одного его вида. Их сыновья меж собой шептались о том, как он продал свою душу злым силам.

Скрипнула дверь, и в покои проскользнул Джил — жалкая замена нормальному слуге, криворукий, но преданный,

как спасённый щенок. Дойлу он был обязан всем, не только своей жалкой шкуркой, но и счастьем семьи, честью сестры и сохранностью дома. Так что за Дойла он был готов на всё, и уж конечно, его не удалось бы подкупить или запугать, чтобы он заколол во сне могущественного милорда. Дойл отнюдь не страдал манией преследования, но на его жизнь покушались с завидным постоянством, и потому преданно-го слугу он предпочитал расторопному.

Правда, раньше такой выбор делать было не нужно — пока был жив старый Джерри. Он раздражал неимоверно, у него изо рта вечно несло прогорклым салом и гнилым луком, он шаркал ногами и настолько фальшиво насвистывал «Хромую кобылу Сэй», что временами Дойл готов был залить ему глотку горячим воском, лишь бы он заткнулся.

Но Джерри знал привычки господина, чувствовал его настроение и как-то одинаково легко умирал гнев его души и страдания его тела.

Бывало, начнёт одевать его, как будто бы случайно придавит что-то на шее, поднажмёт на вывернутую насмешницей-природой лопатку, и вечная боль утихнет. Как-то Дойл, будучи в хорошем настроении, заметил:

— Ведь подколдовываешь ты, старик. Отправлю на костёр за твои фокусы!

Джерри рассмеялся в усы:

— Воля ваша на то, милорд, да только никакого колдовства не знаю. А хотите — отправляйте, может, хоть перед смертью косточки прогреем как следует.

Конечно, никуда Дойл его не отправил. Он не сомневался, что старик ещё его переживёт и будет обряжать его тело в последний путь, — а не сложилось. Бедняга умер в один миг, словно злая Смерть скосила его своим серпом: прислуживал на пиру, подливал Дойлу в кубок вина — вдруг всхлипнул, схватился за грудь и рухнул лицом на господский стол. Начался переполох, прочие слуги забежали, унесли его куда-то. Дойл тогда только отхлебнул из так и не заполненного до краёв кубка и сказал брату: